

Вообще-то она, конечно, никакая не Юзефина. И фамилия у нее не Юхандерсон.

Ее зовут Анна Гро.

Вполне красивое имя, если оно тебе впору, только она до него еще не доросла. Носить его — все равно что ходить в слишком больших ботинках: они сваливаются и не хотят идти с тобой вместе. Приходится убрать их в шкаф, пока не дорастешь.

Так можно поступить и с именем, которое тебе велико. Во всяком случае, она так поступила.

Она научилась писать АННА ГРО, вывела эти слова крупными буквами на картонной коробке, накрыла

крышкой и спрятала поглубже в шкаф.

Теперь там, в шкафу, сидит Анна Гро и ждет.

А пока что ей надо придумать другое имя. Это нетрудно, ведь их так много — выбирай любое.

Само имя должно быть редким. Лучше, чтобы никого так больше не звали. А фамилия подойдет самая обычная.

Ни одной Юзефины у них в деревне нет.

Зато Юхансонов и Андерсонов полным-полно. Если соединить, получится Юхандерсон, и родни будет в два раза больше.

Юзефина Юхандерсон — смешное и красивое имя, носить его одно удовольствие.

Юзефина — единственная и ни на кого не похожая, а Юхандерсон состоит в родстве с тысячью, тысячью других людей.

Что ж, решено.

Ее будут звать Юзефина Юхандерсон.

Анны Гро больше нет, и про нее забывают.

В Пасторском доме, где живет Юзефина, еду готовит Аманда. Очень важная личность.

Катая тесто и мешая поварешкой в кипящих котелках, Аманда рассказывает Юзефине удивительные вещи — главным образом о Мире и Человеке.

Иногда Аманда рассуждает о том, как велик мир и как мал человек. И красивыми, витиеватыми словами описывает ничтожность человека на огромной земле.

Юзефина слушает, раскрыв рот.

Что она хочет сказать? Это не совсем понятно. Ведь ни для кого не секрет, что сама Аманда не

очень-то маленькая. В Пасторском доме никого больше нее нет. Таких ручищ, как у Аманды, Юзефина в жизни не видела. При всем при том Аманда утверждает, что она на этой земле всего лишь комарик, маленькая беспомощная букашка, соринка.

Юзефина не может оторвать от нее взгляда.

Круглая, как букашка, — это да, но уж никак не маленькая соринка. И не беспомощная.

И голос у нее не комариный, это точно. В доме священника этот голос звучит громче всех.

Да, Аманда — загадочная личность.

А порой она вздохнет и скажет, что мир становится все меньше и меньше. Это случается, когда она листает газету.

— Он, что ли, сжимается? — спрашивает Юзефина.

— Вот-вот, — говорит Аманда, — сжимается с каждым днем.

— Как садится от стирки моя синяя кофта?

— Вот-вот...

Это просто ужасно. Синяя кофта стала такая маленькая, что на Юзефину больше не налезает. Неужто и с миром происходит то же самое?

— А мы не вырастем из него, Аманда? — спрашивает Юзефина.

— Из кого?

— Из мира, он не станет нам слишком мал?

— Вот-вот, — говорит Аманда. — Юзефина, ты мудра, как пророк.

Аманда погружается в чтение, но Юзефине тревожно.

— Что же делать? — спрашивает она, отодвигая Амандину газету в сторону. — Вдруг нам станет здесь слишком тесно?

Амандины очки съезжают на кончик носа, она обнадеживающе смотрит на Юзефину.

— Не бойся, — говорит она. — Человек, он тоже уменьшается.

Юзефина круглыми глазами смотрит на большую, пышную Аманду.

— Неужто и ты, Аманда, тоже уменьшаешься?

— Ну конечно. Видишь ли, мир — всего лишь маленькая звездочка

среди других маленьких звезд в синем небе. А мы — мелкие пылинки. В один прекрасный день мы, возможно, полетим на Луну, кто знает...

Вот так беседуют Аманда и Юзефина, сидя на кухне Пасторского дома, и Юзефина все больше убеждается в том, что живет в очень странном мире.

О нем ничего не известно наверняка.

Например, все говорят, что он круглый, как мяч. Однако, взглянув на него, любой скажет, что он плоский.

Впрочем, неважно, большой или маленький, круглый или плоский, ясно одно: этот мир старый.

Церковь тоже старая, такая старая, что никто и не знает даже, кто ее выстроил.

— А чего тут голову ломать, — говорит Аманда. — Такие старые церкви

не строят. Они сами из земли растут. Ты на крышу посмотри! Как будто прямо из-под земли выросла.

И правда, похоже на то.

Церковь стоит через дорогу от Пасторского дома. Рядом — колокольня с двумя большими колоколами, которые звонят так, что вокруг поднимается гул и воздух дрожит и плывет волнами. Они звонят уже много сотен лет. Когда небо синее, звон летит вверх, высоко-высоко, как ласточка. Когда небо сереет, они гудят тяжело и раскатисто, как гроза за холмом.

Юзефина не боится колоколов. Она к ним привыкла. Она слышит их с тех пор, как появилась на свет.

За церковью раскинулся луг. Там тоже есть свои колокола, точнее колокольчики — маленькие и голубые, но звонят они еле слышно. Хотя Юзефина уверяет, что слышит их. Этот луг называется Колокольчиков луг. Там

все новое — и цветы, и трава, они вырастают заново каждый год.

А все остальное — старое. Липы на аллее и дуб на пастбище. Дуб вообще древний, с дуплом.

И Пасторский дом старый, конечно...

Внутри него все тоже старое — кровать, на которой Юзефина спит, стул, на котором сидит, стол, диван и комод в ее комнате. Все-все.

И Аманда тоже. Ведь говорят же: «старушка Аманда».

У Юзефины шесть братьев и сестер. Но они уже большие и живут отдельно, кроме Агнеты, которая вот-вот выйдет замуж.

Если не знать, что они ее братья и сестры, можно легко принять их за обычных мужчин и женщин, считает Юзефина, вот какие они большие. Самой Юзефине шесть, зимой будет семь.

Она маленького роста, и никто не верит, что осенью она пойдет в школу. Пойдет, да еще как!

Иначе на что же это похоже? Ведь она уже давно стала тетей! Причем задолго до рождения!

Что же, ее племянники и племянницы будут ходить в школу, а их тетушка нет?

Священник в церкви — Папа Отец. Ему исполнилось уже много лет. Сколько точно, Юзефина не знает,

не сто, конечно, но гораздо больше, чем она может сосчитать. Правда, это неважно, годы его совсем не старят.

Хотя иногда он притворяется стареньким, особенно перед Юзефиной. Как, например, в тот раз, когда попросил называть его отцом, а не папой.

— Ты еще такая маленькая, а папа у тебя совсем старичок, — сказал он, сделав старое и серьезное лицо.

Юзефина только засмеялась в ответ, но папа не уступал. Пусть зовет его отцом, настаивал он. Юзефинин папа худой и длинный, его лицо парит где-то высоко-высоко. Когда Юзефина говорила «отец», лицо медленно уплывало еще выше, и казалось, до него уже никогда не достать.

Поэтому Юзефина придумала называть его «Папа Отец», и папа согласился.

Это все равно что держишь в руке воздушный шарик. «Папа» — веревочка, а «Отец» — шарик. Без «Папы» веревочка выскользнет и шарик улетит в небо.

В случае с Папой Отцом это особенно опасно, потому что он священник и много думает о небесах.

Обычно ему нельзя мешать. Масивная двустворчатая дверь из темного дерева, ведущая в его комнату, почти всегда закрыта. Открывать ее запрещается. Да Юзефина и не смогла бы. Ручки большие и тяжелые — даже если повиснешь, не поддадутся. Правда, теперь уже Юзефина на них не виснет, она так делала только в детстве.

Эта дверь — как будто часть Папы Отца. Так хорошо стоять под ней и знать, что за дверью — он.

Сидит и пишет проповедь. Так называется Важная Речь, которую

Папа Отец произносит по воскресеньям в церкви. Он читает ее сам, и никому нельзя перебивать его, потому что он говорит о Дяде Боге.

Кто такой Дядя Бог — это всем известно. Он самый старый на земле и самый старый на небе. Он старше всего, что есть на свете, потому что появился здесь самый первый и один все сотворил. На картинках он тоже старый и довольно уставший. У Юзефины даже есть свой собственный портрет Дяди Бога в книжке, которую ей подарил Папа Отец. На портрете — красивый дяденька с белыми волосами и бородой. Юзефина зовет его Дядя Бог.

У Дяди Бога есть сын, и вот его-то Юзефине прямо очень жалко. Он так быстро рос, что почти не успел побыть ребенком, только совсем младенчиком. А после этого

раз и стал взрослым — и на его голову тут же обрушилось множество забот и бед. Он даже наиграться не успел, вот как все быстро случилось. И в конце концов улетел на небеса — как шарик без веревочки.

Иногда Юзефина думает о своих братьях и сестрах. Интересно, они так же быстро повзрослели? Бедненькие — вдруг они тоже совсем не успели наиграться?

И как будет с ней? Ей бы хотелось играть долго-долго...

2

— Ты только о себе думаешь, — всхлипывает Агнета и прогоняет Юзефину из комнаты. — Видеть тебя не хочу. Ты гадкая! Уходи!

Дверь захлопывается, Агнета громко рыдает.

Оскорбленная до глубины души, Юзефина спускается по лестнице.

Взрослые — дураки. А Агнета — хуже всех. Правда, раньше, не так давно, Агнета была хорошей. Еще до того, как она познакомилась с Эриком, за которого она скоро выйдет замуж. Раньше у нее всегда находилось время для Юзефины. А этот Эрик все испортил.

Раньше Агнета ни за что бы не стала придиратся из-за такой ерунды. А просто бы рассмеялась. Подумаешь!

Стоит ли реветь из-за того, что Юзефина вырезала несколько бабочек из ее свадебной фаты? Откуда ей было знать, что это свадебная фата, когда у Агнеты вся комната завалена тряпками! Сами они целыми днями только и делают, что вырезают, — мама, Агнета и швея фрёкен Блум! И не каких-то там бабочек, а большие, здоровенные куски!

А Юзефина вырезала всего семь маленьких кусочков. Много ли ткани нужно на одну крошечную бабочку? Ясно, что немного. Где одна, там и семь, разница невелика.

Тряпку пожалела! Тоже мне, семь крошечных дырочек — на огромной фате их и не видно даже. Жадина.

А еще обвиняет Юзефину, что та думает только о себе. Кто бы говорил!

Это несправедливо. Ведь Юзефина хотела сшить всем по бабочке — всем членам семьи! Даже Эрику, хотя он

ей вообще-то не нравится. Поэтому она вырезала семь кусочков. Один про запас — вдруг что-то не получится. Между прочим, шить бабочек не так просто, как им кажется.

Пусть теперь ни на что не рассчитывают. Юзефина все от них спрячет.

Взрослые жадные и ведут себя, как дети. Сейчас они защищают Агнету. Сидят с ней, утешают и нянчатся, как с маленькой. И мама, и Аманда, и фрёкен Блум. А Агнета только пуще ревет. Хочет, чтобы ее пожалели.

На Юзефину всем наплевать. Из-за семи маленьких бабочек про нее забыли и выгнали вон. Ее никогда не жалеют, потому что она, в отличие от некоторых, не ревет по любому поводу!

Они ее больше не увидят. Они еще локти будут кусать, что так обошлись с ней. Она просто исчезнет.

Она просто...

Еще утро, бодрое весеннее майское утро.

Воздух полон звуков. Жужжания шмелей и щебета птиц. Стучат выбивалки для ковров. В деревне смеются и перекрикиваются люди. Свистит какой-то мальчишка, поет девочка, скрипит и гремит пустыми молочными бидонами тележка.

Все веселятся. И тем горше Юзефино горе.

Она идет одна по пыльной дороге. Прочь от Пасторского дома, навсегда.

В руке сумочка с тремя щетками: зубной, для волос и для обуви. Это ее туалетные принадлежности. Надо оставаться чистой и опрятной, даже если ты сбежала из дома. Туфли от долгой ходьбы сильно пылятся. А волосы совсем тонкие — их надо расчесывать утром и вечером, говорит мама. Ангельский пушок — так

называет их Папа Отец. Вспомнив об этом, Юзефина громко всхлипывает — ангельский пушок ему больше никогда не видать.

Еще в сумочке лежат два сухаря, полтюбика тресковой икры, три вареных картошки и кусочек холодного блинчика.

И потрепанная грустная обезьянка. Такая же несчастная, как сама Юзефина, поэтому ее и взяли с собой. Веселый пухленький медвежонок остался дома — в этот печальный день спутник из него неподходящий.

Юзефина идет мимо школы, куда собиралась осенью. Теперь из этого ничего не получится. Она долго смотрит на здание, на секунду задерживается у калитки.

— Прощай, школа, — грустно шепелявит она. — Прощайте, учительницы и ученики. Я не приду осенью, потому что буду работать, как

бедные дети в старые времена. Теперь я никому не нужна...

Юзефина скорбно кивает и идет дальше. Через всю деревню — прочь отсюда.

Ей встречается много людей, кто-то ей не знаком, кто-то кивает. Но она глядит на всех одинаково серьезным взглядом. Этот взгляд говорит: вот идет одинокая и несчастная девочка, которую выгнали из дома суровые родители и злые сестры.

Только этого никому не понять, все спешат по своим делам.

Всюду дети — одни куда-то несутся, другие стоят вдоль дороги и пялятся, разинув рты. Некоторые едят мороженое. Какая мерзость. Но ни тем ни другим нет до нее никакого дела.

За поворотом Юзефина останавливается. На пригорке чуть в стороне сидят два толстых сытых ребенка и дуют лимонад. Рядом разложены жирные бутерброды, булочки и шоколадки.

Юзефина сползает в придорожную канаву и открывает сумочку. Сквозь пелену в глазах рассматривает свои жалкие запасы.

— Я маленькое бедное дитя, — шепчет кто-то у нее внутри, пока она глядит на кучу-малу в сумке. — Но очень отважное.

Выдавлив на огрызок блинчика рыжую полоску икры, Юзефина закашливается. Блин падает. Теперь

у нее есть только картошка, да сухарики, да немного икры...

А потом наступит голод.

А потом придет ночь, беспросветная, черная, студеная. Юзефина будет брести, брести, бледная и дрожащая от голода и холода.

А потом ее, скорее всего, не возьмут на работу, потому что она тощая и хилая и ни на что не годится.

А потом — а потом она, скорее всего, умрет.

Так им и надо — ее домашним. Вот тут-то они и раскаются. Можно надеяться, что после такого урока они больше не будут с ней так обращаться.

Немного приободрившись от этой последней мысли, Юзефина захлопывает сумочку с убогим содержимым и вылезает из канавы. Но трава скользкая, Юзефина поскользывается и падает в самую грязь на самое дно.

С коленей течет грязь, толстые дети на пригорке ухмыляются. Юзефина уходит. Последнее, что она слышит, это громкое шуршание фольги. Ну все, с нее хватит. Всякой отваге есть предел!

Только вот несчастьям, похоже, предела нет!

Потому что в следующий миг Юзефина лежит, распластавшись, под колесами велосипеда.

С велосипеда спрыгивает старушка.

— Ах ты, горюшко горемычное! — громко причитает она. — Не увидела велосипеда, да? Ах-ах, больно тебе, да? Вот оно как бывает, когда поспешишь...

Синие глаза Юзефины на чумазом лице разглядывают старушку.

Это вполне может быть ведьма. Скорее всего, так оно и есть. Ну и что? Одной бедой больше, одной

меньше — какая уже разница теперь, когда ей столько всего пришлось пережить.

Зато родители точно будут локти кусать, если ее еще и ведьма схватит.

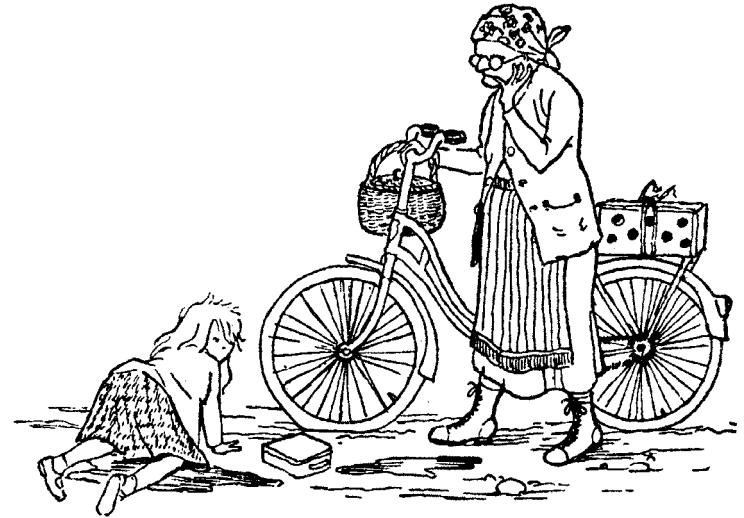
Поэтому Юзефина молча следует за старушкой, когда та предлагает зайти к ней домой. Живет она, дескать, совсем неподалеку.

Они сворачивают с дороги, переходят через луг, потом по петляющей темной тропинке входят в лес, первой — старушка, Юзефина за ней.

Старушка катит велосипед. На багажнике стоит большой ящик, к рулю прицеплена большая корзина. Какие-то они загадочные, эти ящик с корзиной.

Ящик весь в мелких дырочках, изнутри вырывается жуткий писк. В корзине что-то скребется.

Старушка не замолкает ни на секунду. Хочет, наверно, заглушить

странные звуки, которые доносятся из корзины и ящика.

Но говорит она умные вещи. Как будто знает, что Юзефине хочется услышать больше всего — а именно как ее, бедняжечку, жалко.

— Ой-ой-ой, горе-горюшко! Такая маленькая и совсем одна! Как же такое стряслось? Неужто тебя бросили, несчастное дитя, такую малюточку...

Юзефина не отвечает. Но уши на-
вострила. Слова старушки, как мяг-
кая вата, окутывают ее сердце. На-
конец хоть кто-то ее пожалел! Пусть
ведьма. И на том спасибо, ей много
не надо, с горьким наслаждением
думает она.

Юзефине кажется, что они зашли
уже очень далеко, но тут в лесу от-
крывается просвет — зеленое поле,
обогнув которое они оказываются
возле маленького домика. Здесь
и живет старушка.

Старушка ставит велосипед у дома,
отвязывает корзину и ящик и опу-
скает их на землю.

Скрестив на груди руки, она изу-
чает Юзефину. Юзефина смело
смотрит на старушку.

Сейчас она убеждена, что перед
ней — ведьма. Старушка тощая
и костлявая, под кофтой просту-
пают угловатые локти, подбородок
острый, нос крючком, глаза колю-
чие. Но голос мягкий.

— Что ж ты молчишь, горемыка?
Как звать-то тебя?

Юзефина не испугалась, но, пре-
жде чем ответить, ей надо поду-
мать. Кажется, она слыхала од-
нажды, что называть свое имя